

А. П. Чеховъ.

(К исполнившемуся 50-лѣтію его рожденія).

Наше общество не балуетъ своихъ писателей любовью.

Оно востыло въ какомъ то равнодушіи и одинаково холодно и безстрастно относится къ развѣнчиванію Горькаго, и къ еще недавнему триумфу Л. Андреева.

А. П. Чеховъ составляетъ какое-то счастливое исключеніе. Хмурый, холодный читатель отвелъ ему маленькое мѣстечко въ своей владѣвшей душѣ.

Маленькій кусочекъ этой души отдалъ и между хмурыхъ читателей и авторомъ „Хмурыхъ людей“ протянулся какой то лучъ свѣта и тепла.

Говорить въ сотый разъ о талантѣ Чехова, этого русскаго Мопассана, не входить въ задачу этой записки. Его безмѣрно хвалять вездѣ, гдѣ только заходитъ рѣчь о немъ. Важно не это.

Удивительна и характерна для нашего времени та душевная теплота, та любовь и проникновенность, съ какою русскій читатель, критикъ и поборникъ Чехова—писатель относится къ нему. Это единодушіе, жадность, съ какою общество кидается на всякую печатную строку, въ которой есть что-нибудь новое о Чеховѣ, наводитъ на мысль о томъ, что живъ среди насъ авторъ „Хмурыхъ людей“—и все то сѣрое, будничное, калѣчащее русскую жизнь, отъ чего мы страдали двадцать лѣтъ тому назадъ, отъ чего страдаемъ и сегодня, и что съ такой силой и яркостью далъ намъ въ своихъ разсказахъ А. П. Чеховъ.

Можетъ быть сознательнѣе стало наше общество за послѣдніе годы, можетъ быть „Мужики“ Чехова въ какой-нибудь тысячной доль стали культурнѣе, но общая картина осталась та же. Сознательность, купленная такой дорогой цѣной, приведшая къ полной моральной катастрофѣ, еще недавно топилась въ омутѣ порнографіи, пинкертоновщины, въ пыльномъ расцвѣтѣ „понебѣльничной“ литературы, въ богоборчествахъ и богопокательствахъ, въ новомъ жанрѣ пародій, въ новыхъ театрахъ „ужасовъ“ и „кабаре“.

И развѣшеніе мировыхъ проблемъ, или желаніе дать его Л. Андреевымъ не затрагиваютъ никакихъ струнъ и не даютъ никакихъ созвучій въ душѣ читателя.

Онъ отходитъ, намученный, отъ всего, что творится сегодня, и ищетъ какихъ-нибудь откликовъ въ томъ, что было вчера, что и сейчасъ его гложетъ и мучитъ.

И это вчера, переживаемое и сейчасъ, онъ въ полной мѣрѣ находитъ у Чехова.

Его пленяетъ яркость и образность этого сильнаго таланта, поразительная правдивость изображаемаго, искренность, нежная простота и мягкая неолобизность, въ связи съ самыми тонкими, неподражаемыми юморомъ. Этотъ послѣдній даръ дается очень рѣдко и крупнымъ талантамъ. Однимъ своимъ разсказомъ „Налимъ“ Чеховъ, по мнѣнію Л. Толстого, создалъ шедевръ свѣтлаго смѣха.

Если же мы вспомнимъ, какой пленительный образъ человека вырисовывается намъ изъ всѣхъ воспоминаній и вѣтъ отъ Чеховымъ, какъ его писали въ друзьямъ, роднымъ и даже въ редакціи по поводу литературныхъ дѣлъ, то станемъ понятнымъ любовь къ Чехову, боль при мысли о преждевременномъ угасеніи, богатомъ дарованіи, желаніи удержать его свѣтлый образъ какъ можно дольше среди насъ, хмурыхъ людей. Чеховъ современенъ и теперь.

„И будущій историкъ, — говоритъ Осипъ Куликовскій, — конечно, лучше насъ оценитъ и оценитъ тотъ душевный реактивъ, силой котораго Чеховъ проводилъ свои „Художественные опыты“. Это имело умы чуждыя, слушаемая современникомъ современной жизни и исследованіемъ души современнаго человека, и все это сливалось въ пропенде-лихъ коща 40 годовъ („Человѣкъ въ бутылкѣ“, „Случай изъ практики“ и пр.), предвѣстникъ прозрѣнія въ лучшее будущее, можетъ быть, дале-кое, для насъ недоступное, и, на-ко-нецъ, рядомъ съ этимъ прозрѣніемъ, обоимъ радостное, едва мерцающее, какъ бы предчувствіе грядущаго по-чаша, — счастливый, верховный и все такое, все такое и мало-мало-“

вер, что такъ обезображиваетъ душу человека, и живущихъ полкомъ, широ-кою жизнью ума и чувства“.

П. Борецкая.